
Глава 1

НОВОЕ ДЕЛО

Савелий болезненно переживал расставание с Елизаветой. Никогда прежде ему не доводилось испытывать столь острую горечь, как в тот момент, когда она, прикусив от обиды губы, свернула в переулок, даже не обернувшись на прощание.

Савелию Родионову отчего-то верилось, что Лизе будет так же невыносимо тяжело, как и ему, что под грузом навалившейся тоски она непременно должна сгорбиться в три погибели, потускнеть взглядом. Но, встретив ее случайно на Тверской, прогуливающуюся в обществе молодого человека, он понял, что ошибался. Елизавета что-то оживленно рассказывала своему спутнику, а тот взирал на нее с мальчишеским обожанием, вслушиваясь в каждое оброненное слово.

Разлука не испортила ее внешности, разве что добавила во взгляд немного грусти, которая невероятно шла ей. На лице за прошедшее время невозможно было рассмотреть даже следы увядания, Лиза по-прежнему была хороша, как и в день их знакомства, когда, будучи еще слушательницей женских курсов, непосредственно и с большим аппетитом хрустела французской булкой, вызывая у всякого, кто за ней наблюдал, невольные улыбки.

Встретившись с ней взглядом, Савелий Родионов рассчитывал рассмотреть в глазах Лизаветы нечто похожее на растерянность, но уголки слегка полноватых

губ лишь дрогнули в дружелюбной улыбке, узнавая бывшего возлюбленного. И ничего более!

Елизавета проследовала со своим кавалером дальше все той же неторопливой и грациозной походкой, отрешаясь от всего того, что связывало их прежде.

Околдованный неожиданной встречей, Савелий с минуту стоял неподвижно, не замечая нечаянных толчков прохожих, продолжая буравить взглядом ее прямую узкую спину и надеяться на то, что она все-таки обернется. Но Елизавета уже позабыла о нем окончательно, как о старой стоптанной обуви, бережно подхватив молодого человека под руку.

Еще каких-то полчаса назад ему казалось, что он сумел оттеснить Елизавету на задворки памяти, чтобы окончательно позабыть ее, он желал стереть все те переживания, что связывали их прежде. Однако стоило увидеть ее мельком, как все те чувства, которые, казалось, окончательно были похоронены в его душе под толстым слоем тревог, вдруг воскресли и вызвали эмоциональную бурю.

В какой-то момент Савелию даже захотелось броситься за Елизаветой. Поделиться с ней накопившимися переживаниями, рассказать о том, насколько он был не прав. Савелий Родионов даже подался вперед, нелепо переступив через край бордюра, но потом остановился, покорившись свершившемуся.

Он продолжал возвращаться мыслями к своей бывшей возлюбленной. Лиза не отпускала его, заставляла страдать. Отчего-то ему казалось, что нелепую размолвку, случившуюся между ними, она переживает столь же болезненно, как и он, но подсмотренная действительность заставила убедиться в том, что его образ если уж не истерся из ее памяти, то изрядно успел потускнеть.

Теперь Елизавета любила другого и, судя по тому,

что он увидел, была желанна. Она и раньше умела наслаждаться жизнью, и сейчас, расставшись с ним, не обременяла себя душевными переживаниями и окунулась в новые для себя впечатления.

Савелий продолжал страдать. Улыбающееся лицо Елизаветы продолжало тревожить его, оно стало для него наваждением. Родионов продолжал ее любить и мучиться от того, что они не вместе, а Лиза, позабыв о проведенных в счастье годах, продолжала поживать насыщенно, лишь едва удостоив сдержанным кивком при нечаянной встрече.

Савелий не однажды возвращался к их последнему разговору, когда Елизавета, позабыв про гордость, откровенно упрекнула его в том, что они до сих пор не обвенчаны. Тогда, не разглядев в ее глазах тоски, Родионов свел сложный разговор до обыкновенной шутки, за что в дальнейшем поплатился, потеряв любимую.

И вот сейчас Елизавета появилась вновь, чтобы причинить ему очередное страдание.

* * *

Единственное средство, которое хоть как-то могло отвлечь его от прежней симпатии, был риск, который способен изрядно пощекотать нервы. Подумав, Савелий решил ограбить банк, взяв на себя роль организатора.

Следовало присмотреть подходящий объект для взлома. Таким оказался «Российский купеческий банк», куда раз в месяц доставлялись процентные кредитные бумаги, имевшие хождение даже в Европе. Для предстоящего дела оставалось только подобрать подходящих людей.

Первой, на кого обратил внимание Савелий Родионов, была Анна Герасимова, работавшая в кредитном отделе. Именно через нее проходили существен-

ные суммы. Молода. Легкомысленна. Непостоянна в отношениях с мужчинами. Не следовало мудрствовать, чтобы очаровать её, — достаточно было подарить золотые сережки с браслетом, чтобы заполучить её полное доверие.

Набравшись терпения, Савелий Родионов со скрупулезностью дотошного сыщика принялся собирать на нее досье и очень скоро убедился, что она совсем не та женщина, за которую себя выдает. В действительности жизнь Анны делилась на две части: в первой она была примерной служашей, а вот во второй, пожалуй наиболее интересной, являлась подругой московского шнифера Ираклия Евдокимова.

Впрочем, это обстоятельство нисколько не мешало ей завести роман с приятелем своего жениха Тимофеем Макарецевым. Похоже, что Ираклий догадывался о том, что он у нее не единственной, но подобные мелочи его не особенно-то и волновали.

Беззаботная, порхающая по жизни легким мотыльком, жадная до новых впечатлений, Анна была просто создана для развлечений и была невероятно огорчена тем, что не получает их в полной мере. Она сумела внести в его жизнь некоторое разнообразие, и в какой-то момент Савелий сумел даже позабыть о Елизавете.

Едва ли не все разговоры с ней сводились к тому, что она мечтает разбогатеть и тогда уж обязательно осчастливит мир своим присутствием.

Подобрав подходящий момент, Савелий произнес:

— Детка, у тебя есть возможность скупить этот мир со всеми потрохами.

Самые чувствительные места у женщин — это губы, в какой-то степени они отражают состояние ее души. Уголки губ Анны растянулись, обнажив жемчужные губы.

— Ты это серьезно?

— Я никогда не был более серьезен, чем сейчас, — отвечал Савелий, продолжая наблюдать за ее губами.

— И что я должна сделать? Ограбить банк? — произнесла она в шутку.

Савелий отрицательно покачал головой:

— Нет, это сделают за тебя другие. Например, твой жених со своим приятелем Макарецевым.

Наступил самый драматический момент. Сначала губы сложились в трубочку, и в какой-то момент Савелию даже показалось, что он услышал вздох разочарования, но уже в следующий момент беленький острый клык слегка прикусил нижнюю губу. Барышня размышляла всерьез. Узкий язычок слизал проступившую кровь, похоже, что она уже приняла решение.

— Откуда ты знаешь про них?

— Я многое знаю как про тебя, так и про них. Скажу так, я не завожу случайные знакомства, — сдержанно отвечал Савелий.

— Ах, вот как. И кто же они?

— Мне известно, что оба они шниферы. В настоящее время маются без работы и ждут заказ на выгодное дело. Я даже знаю, сколько они берут за свое дело.

Девичьи губки вновь сложились в трубочку. Похоже, что барышня еще не пришла к окончательному решению.

— И сколько же?

— За свой выход они берут четыре тысячи, — широко улыбнувшись, добавил: — Столько берет за свой выход на сцену только Федор Шаляпин. Он тоже большой артист.

— Они спросят у меня, сколько в банке будет денег.

— Хм... Возможно. Но они получают только за работу. Таковы условия.

Губки у Анны были аппетитные и весьма чувствительные, всецело отражая ее внутреннее состояние. Теперь они слегка выпячивались, обнажив светло-розовую поверхность рта.

— Им этого может показаться мало, — предположила Анна.

Савелий Родионов развел руками:

— Что ж, в этом случае мне придется подыскать других исполнителей.

— Я поговорю с ними... Но как вы собираетесь справиться с сигнализацией? Чтобы ее отключить, потребуется слишком много времени. И где уверенность, что вам удастся сделать это?

— У тебя есть какие-то предложения?

— Я могу найти человека, который отключит ее.

— Что это за человек?

— Он называет себя Сержем, говорит, что служил в армии, проигрался в карты и вынужден был уйти в отставку. Но мне кажется, что у него в биографии немало темных пятен.

— Я выясню, что это за человек. Сколько он возьмет за свою работу?

— Думаю, ему хватит и двух тысяч.

— Сгодится. Переговоришь с ним об этом сама. Для него меня не существует.

— Поняла.

— Лучше его свести с Макарцевым, чтобы они действовали сообща.

— Думаю, что он не пойдет на это. Слишком он осторожен.

— Это не так и плохо. У тебя есть какие-то соображения на этот счет?

— Можно поступить по-другому. Он напишет, как нужно сделать, а я эту записку передам Макарцеву. Он проникнет в банк и отключит сигнализацию.

— Ты деловая барышня, и это мне нравится. Хочу тебе сказать, у меня тоже много недоброжелателей, и я бы не хотел, чтобы во время встречи с Макарцевым он видел мое лицо. Предупредишь его, что я буду сидеть к нему спиной, пусть привыкает. Сумеешь объяснить?

— Твое желание ему не покажется странным.

— Вот и отлично. Я буду ждать Макарцева завтра в это же время. За этим же столом.

Савелий Родионов ушел, слегка кивнув на прощание.

Глава 2

ПОЧЕМ БАНК?

К предстоящему дню Савелий Родионов готовился основательно. Никогда прежде он не выступал в качестве заказчика, обычно предпочитая лично взламывать сейфы. В этот раз все обстояло иначе (интересно попробовать себя в новом качестве), и он должен будет поделиться своими знаниями с исполнителями. Главное, чтобы шнифера не опознали в нем короля медвежатников.

После некоторого раздумья Савелий Родионов прикупил в театральной лавке для предстоящей встречи парик, широкую бороду и длинные усы. Подумав, приобрел еще и шляпу с широкими полями, которая должна была скрывать лицо.

Наклеив театральный реквизит на лицо, Савелий Родионов остался доволен, справедливо решив, что в таком облике его не узнал бы даже старый Парамон. Для завершения образа нужна была красивая костяная трость, которая станет оттягивать на себя взгляды. Подумав, Савелий приобрел антикварный костыль с серебреным набалдашником. Глянув на себя в зерка-

ло, остался доволен переменами и направился к месту встречи.

Тимофей Макарецв, расположившись за столом, явно скучал. На столе возвышалась бутылка вина, наполовину початая. И следовало надеяться, что содержимое добавило ему настроения.

Приблизившись, к Макарецу со спины, Савелий произнес:

— У вас свободно?

Тимофей Макарецв, едва глянув на подошедшего франта недружелюбным взглядом, произнес:

— Сударь, мне бы хотелось побыть одному. В кабаке достаточно места.

Пренебрегая напускной хмуростью Макареца, Савелий Родионов расположился на соседнем стуле, боком к Макарецу и, оперевшись ладонями о серебряный набалдашник трости, произнес:

— Похвально. Вижу, что вы именно тот человек, который мне нужен.

— Вы от Анны? — голос шнифера малость размяк.

— Да, от нее.

Шнифер, едва кивнув, принялся рассматривать серебряный набалдашник в виде гривастого льва.

— Хм... Борода... Я вас представлял несколько иначе, — хмыкнул Макарецв.

— Не надо на меня глазеть. Вам достаточно моей спины.

— Так неудобно разговаривать.

— Придется потерпеть, — отвечал Савелий.

— Как мне вас величать?

— Можете называть меня Назаром.

— Хорошо, Назар. Почему вы обратились именно ко мне? — не скрывая настороженности, спросил Макарецв.

— У вас большой послужной список, Тимофей, —

ответил Савелий Родионов. — И это мне подходит. Я навел о вас кое-какие справки... Год назад в Харькове вы взломали укрепленный сейф, как банку с сардинами. Весьма впечатляюще!

На лице Макарцева застыла блаженная улыбка.

— Работа мне доставила удовольствие.

— Но вместо ожидаемых четырехсот тысяч в сейфе оказалось всего лишь пятьсот рублей.

— Верно, — раздосадованно произнес Макарцев. — Было очень обидно. Двести саренок пришлось отдать Парамону с Хитровки. Откуда вам это известно?

— Неважно... У меня свои источники. Полгода назад на Остоженке был вскрыт ювелирный магазин. Из сейфа похищено золотых изделий почти килограмм.

Улыбка Макарцева сделалась шире.

— Было дело, — легко согласился Тимофей Макаревич. — Потом в Берлине мы на эти деньги месяца кутили. Только как же мне вам верить, господин хороший? О таких вещах могли знать только фараоны. Может, вы того... из сыскной полиции? — осторожно поинтересовался Макарцев. — На деле меня хотите взять. Я с поклажей из банка буду выходить, а меня тут легавые тепленьким примут. И припишут мне не только мои старые грехи, но и чужие. Уж больно мне не хочется на каторге гнить!

Савелий понимающе кивнул:

— Похвально... Я ожидал этого вопроса. Хорошо, что он задан. Это еще раз доказывает, что выбор мой сделан верно. Мне нравится ваша недоверчивость, а чтобы совсем развеять ваши сомнения скажу, что Парамону за хорошую наводку вы отдали золотой крест с восемнадцатью бриллиантами.

— Точно! — восхищенно выдохнул Макаревич. — Так оно и было. Об этом старый черт мог сказать

только своему доверенному. Может, выпьем за знакомство, сударь?

— Предпочитаю выпить за завершение дела, — произнес Савелий Родионов.

— Принимается. Я — шнифер, мое дело серьги с замков срывать, забрать то, что мне заказано, и получить за свою работу хорошие саренки. Но мне нужно точно знать, как проникнуть в банк и время, когда там никого не будет.

— Это вас не должно беспокоить. Я сделал все, что нужно, — ответил Родионов, поглядывая по сторонам.

Народу в зале было немного. Располагались в основном у больших окон, через которые просматривалась набережная Москвы-реки. В самый угол забились молодая пара, по всей видимости студент с гимназисткой, и с упоением наслаждались обществом друг друга.

— Ваша задача — взломать сейф, вытащить содержимое и передать его мне. Я с вами расплачиваюсь, и мы расстаемся с самыми добрыми чувствами.

— Мне это подходит, — кивнул Тимофей Макарецев. — Какой мой выход?

— Пять тысяч, — растопырил Савелий ладонь.

Лицо Макарецева расплылось в довольной улыбке.

— Щедро, однако. За что же такие деньги?

— За тайну, которую вы будете держать за зубами, — сдержанно заметил Савелий.

— Для меня это не сложно.

— Вот и договорились.

— Авансец бы, для поднятия настроения.

— Две тысячи я могу отдать прямо сейчас, а остальные после того, как будет выполнено задание. — Родионов положил деньги на стол.

Один из половых, явно сучая, смотрел в их сто-

рону, и это Савелию не понравилось. Приподняв подбородок, он произнес:

— Вы что-то хотели сказать, сударь?

— Нет, но... — Половой исчез в служебном помещении.

Сполна насладившись сконфуженностью работника, Савелий Родионов продолжил:

— Вот вам еще четыре, — вытащил он из кармана пухлую пачку денег.

Рука Савелия накрыла пачку денег в тот самый момент, когда Макарцев дотянулся до нее кончиками пальцев.

— Вы не хотите у меня спросить, за что столь щедрое вознаграждение? — губы Родионова застыли в ехидной усмешке.

Рука Макаргеца медленно отползла назад, и пальцы, заросшие короткими рыжими волосами, оплели стакан с вином.

— Надо полагать, это подъемные?

— Вы не угадали. Без моей помощи этот сейф вам не одолеть. Даже такому искушенному шниферу, как вы, придется малость поучиться и выслушивать мои наставления. Можете воспринимать эти деньги, как плату за учебу. Из них вам нужно будет купить сверла, дрели, батареи. — Вытащив из кармана исписанный лист бумаги, он положил его на стол и добавил: — Здесь целый список всего того, что нужно прикупить. — Начеркав на листке несколько слов, добавил: — По этому адресу будет аналогичный сейф. Сначала как следует поупражняйтесь на нем.

— Понятно. — Взяв бумагу, Макарцев внимательно прочитал список. Одобрительно хмыкнул: — Вам, часом, самому не приходилось вскрывать сейф?

В какой-то момент Савелию Родионову показалось, что Макарцев сумел раскрыть его тайну, но опа-

сения рассеялись, когда тот перевел взгляд на руки, сжимавшие серебряный набалдашник. Правый уголок губ шнифера слегка дрогнул, выдавая пренебрежение. Для него Савелий оставался всего-то чудачком, сорящим деньгами, — уж слишком холеными выглядели его пальцы.

— Не угадали, — ровным, лишенным всяких интонаций голосом сообщил Савелий Родионов. — Я занимался разработкой этих сейфов и знаю наиболее слабые их места. Если будете делать то, что я говорю, то сейф вскрыете. У них имеется всего лишь единственное слабое место и расположено оно на дверце — чуть повыше замка! Но сначала его нужно как следует протравить кислотой. А уже после этого браться за сверление.

Предлагать вино Макарецв более не стал. Выпив в два глотка остатки, спросил:

— У нас будет время, чтобы протравить сейф кислотой?

— На дело вы пойдете в пятницу вечером. Банк откроется только в понедельник утром. Так что времени у вас будет предостаточно, чтобы не только его открыть, но еще и выспаться в его помещениях. Однако желательно проделать все побыстрее.

— Сигнализация?

— Она вас не должна беспокоить. Вы ее отключите сами. Но об этом поговорим позднее.

— Ну, теперь последнее... Какой именно банк нужно ограбить?

— Знаете ресторан «Нива» на Ямской?

— Кто ж его не знает? — довольно хмыкнул Тимофей Макарецв. — Жаль, там ремонт идет, славно было местечко. А какие там номера! — прищелкнул он языком. — Шепнешь, бывало, половому, так он любую девку приведет, какую душа пожелает!

— Возможно, — не стал вдаваться в подробности Родионов. — Сразу через стену находится банк, который меня интересует.

— Точно, есть там банк! — обрадовался Макарец.

— Вы должны будете пробить эту стену. Через проем занести оборудование. Вскрыть двести четвертую комнату, в которой располагается хранилище, в ней и находится сейф, который нас с вами интересует. Все бумаги, которые будут там, возьмете с собой. Вынесете в обычных рабочих мешках, загрузите в экипаж и уедете по адресу, который я вам дам. Утром я заберу у вас все бумаги и расплачусь.

— Что это за бумаги?

— Это не должно вас интересовать.

— Но мы их, так или иначе, увидим.

— Хорошо, — после паузы отвечал Родионов. — Это процентные бумаги.

— На какую сумму?

— На два с половиной миллиона рублей.

— Ого! И за это вы предлагаете нам всего лишь пять тысяч рублей?

— Жадность еще никого не доводила до добра. Вам это известно? — все тем же равнодушным голосом поинтересовался Родионов.

— Мне бы хотелось компенсацию за риск.

— Сколько вы желаете?

Взгляд медвежатника вильнул, зацепив в дальнем углу зала студента с гимназисткой. Широкая смугловатая ладонь парня с нежностью поглаживала бело-снежные девичьи пальчики. В чем-то им следовало позавидовать.

— Я бы хотел еще столько же.

— Договорились. Но это будет после того, как откроете банк. И больше не станем возвращаться к этому разговору. — Перевернув листок бумаги, напи-

сал несколько слов: — Будете жить по этому адресу. После дела отсидитесь в нем с недельку, а потом можете отваливать куда хотите.

Подняв листок бумаги, Макарцев внимательно прочитал адрес:

— Я не слышал такой улицы. Где она находится?

Хмыкнув, Савелий произнес:

— Вот и прекрасно, что не слышали. Находится она на самой окраине. Вы будете жить в частном доме. Хозяева съехали с год назад. Так что никто за вами следить не станет. А добратся... Скажете ямщику, он довезет. Так что жду от вас результатов, господин Макарцев. — Савелий поднял со стола шляпу. — И не советую меня дурачить. Это вам может дорого обойтись.

— Я шнифер с репутацией, — с достоинством отвечал Тимофей Макарцев. — Меня половина Москвы знает.

— Наслышан... Однако такие деньги кому угодно могут башку замутить.

Насупившись, Макарцев отвечал:

— Ко мне это не относится. Как мне вас найти, если потребуется совет?

— Связь будем держать через Анну. А пытаться разыскаживать меня самому я бы вам не рекомендовал.

Вечером Савелий Родионов встретился с Мамаем.

— Узнал, где он живет?

— Узнал, хозяин, — кивнул верный слуга. — На Острожье, у хозяйки.

— К нему кто-нибудь приходит?

— Барышня к нему приходит одна, — улыбнувшись, добавил: — Красивая. Замужем.

— Как определил? По кольцу?

— Оглядывается, хасяин, — охотно отвечал Мамай. — Окольными путями шла. А потом в двери юркнула. Так только замушжные барышники худеют.

— Понятно, — кивнул Савелий, — не спускай с него глаз.

— Сделаю, хозяин.

— Будь везде, где бы он ни находился. Что-то мне не все в нем нравится.

Глава 3

ОТЛОЖЕННЫЙ ВОЯЖ

Настроение у начальника Московской сыскной полиции статского советника Григория Леонидовича Виноградова было весьма приподнятое. Впрочем, для этого наличествовали весьма серьезные основания. Во-первых, на следующий день он намеревался выйти в отпуск и уже через неделю планировал пить минеральную водичку в Баден-Бадене. Кроме воды, в курортном городке были весьма неплохие игорные заведения, и Григорий Леонидович, надеясь на слепой случай, рассчитывал поправить материальное положение. Во-вторых, после завершения курса общеукрепляющих процедур Григорий Леонидович рассчитывал прокатиться в Италию к морю.

Но самое главное, что делало его поездку особенно желанной, — за границу он намеревался отправиться в обществе молодой и очень красивой дамы, по которой уже год как сходил с ума. Звали ее баронесса фон Катрин Розен. Несмотря на звучную фамилию, в действительности она не имела никакого отношения к немецкой аристократии, и титул ей достался вместе со стареющим мужем, его немалыми капиталами, а также значительным весом в высшем прусском обществе.

До замужества Катрин Розен являлась солисткой Императорского оперного театра и была обладатель-

ницей звучного сценического псевдонима — Афелия, что впрочем, совершенно не умаляло ее внешних данных. Кроме высокого и невероятно сильного вокала, оперная дива имела стройную фигуру, горделивую осанку, которую можно выработать только изнурительными тренировками, а также точеный греческий профиль и слегка напыщенные сценические манеры. Вся эта театральная смесь подействовала на стареющего барона крепче винного коктейля, а скоро певица настолько вскружила седую голову, что он попросил ее руки в обмен на собственное сердце.

Выйдя замуж за барона, Катрин Розен сумела сохранить относительную свободу, что позволяло ей заводить легкие, ни к чему не обязывающие романы и приобрести в обществе репутацию весьма легкомысленной девицы.

Однако стареющий барон упорно не желал внимать назойливым слухам и смотрел на свою жену как на игрушку, с которой можно было бы выйти в свет, наведаться в персональную ложу в Императорском театре, а то и просто совершить променады под ручку по Тверскому бульвару. Цель в данном случае была нехитрой — пусть его ровесники (стареющие сморчки!) полопаются от зависти! Значит, в нем имеется нечто особенное, если он сумел расположить к себе столь очаровательную женщину.

Близкие приятели барона злословили о том, что ветхий Розен уже давно не способен на мужские подвиги. Но иногда на старого барона накатывали приступы ревности, и в это время он становился просто невыносим. Тогда он требовал от жены доклады о каждом своем отсутствии, пытался контролировать каждый ее шаг, что, впрочем, не мешало баронессе отправляться в любовные романтические путешествия.

За свою репутацию Григорий Леонидович не пере-

живал. В конце концов, он старый опытный конспиратор, да к тому же еще и полицейская ищейка и на своем веку провел немало блестящих операций, не чета предстоящей. И он нисколько не сомневался в том, что о романтическом путешествии не узнает ни его жена, ни тем более обманутый супруг его любовницы.

Для большей части Московской сыскной полиции его короткая отлучка вообще останется незаметной. Просто на некоторое время он исчезнет для всех, оставив срочные распоряжения на заместителей, а средний персонал настолько загрузит работой, что у них не будет свободной минуты даже для того, чтобы поднять голову.

Останется только незаметно пересечь границу. Благо для этого имеется возможность! Например, можно выправить заграничные паспорта на себя и баронессу.

А пребывая за границей, они смогут наслаждаться обществом друг друга, не оглядываясь на общественность вдали от тех мест, куда так любят наведываться соотечественники.

Если чего и опасался Виноградов, так это живого и общительного нрава баронессы, которая могла рассказать о предстоящем путешествии своим подругам. А уж от них горячая новость способна докатиться и до ушей одураченного мужа.

Буквально вчера вечером Григорий Леонидович еще раз строго предупредил возлюбленную о том, что не следует распространяться о предстоящей поездке, но по тому, как хитровато поблескивали ее глазенки, понимал, что она успела поведать многочисленным артисткам и теперь об этом уже судачит весь оперный театр.

Ох, эти женщины!

Григорий Леонидович горестно вздохнул. Будет

крайне неприятно, если сослуживцы станут шептаться у него за спиной. Сколько раз он давал себе слово не завязывать любовных отношений с болтливыми дамами! Кому, как не ему, знать, что любовная связь способна существенным образом навредить карьерным стремлениям. Однако он не мог отказать себе в радости, пусть даже на короткое время, быть господином ее роскошного тела. И оставалось единственным — примириться. Пусть болтают!

Так что генералу думалось о предстоящей поездке, и поводов для радости было немало. Кто бы мог предположить, что появление курьера в один миг может перечеркнуть все его ожидания.

В тот момент когда Виноградов готов был покинуть свой кабинет, в дверь коротко и решительно постучали. Предчувствуя нечто дурное, Григорий Леонидович невольно поморщился и, стараясь не показать своего неудовольствия, громко отреагировал:

— Входите!

Дверь широко распахнулась, и в комнату вошел молодой человек лет двадцати—двадцати пяти. Сделав два скорых шага, он протянул узкий белый конверт.

— Вам срочные сообщения: телеграмма из Департамента полиции и письмо от министра внутренних дел господина Вяземского.

Виноградов невольно поморщился — этого еще не хватало! Стараясь скрыть прорывающееся раздражение, Григорий Леонидович отвечал:

— Извольте!

Вскрыв сначала письмо, Григорий Леонидович прочитал: «Милостивый государь Григорий Леонидович! Час назад получил депешу от г. М. Г. Лапшина. Следует срочно разобраться. О результатах доложите. Министр внутренних дел свиты Его величества генерал-майор С. Г. Коваленский».

Григорий Леонидович Виноградов невольно поморщился. Тем более было неприятно, что надзиратель сыскной полиции господин Лапшин о произошедшем преступлении по существующей субординации должен был сообщить своему непосредственному начальству, то есть ему, однако посчитал целесообразным действовать через его голову. И вот сейчас Виноградов терялся в догадках относительно произошедшего.

В любом случае Лапшину следует высказать порицание.

Телеграмма была зашифрована и запечатана в плотный конверт. На месте склеивания красовалась гербовая печать. Расписавшись в получении, он позвал адъютанта:

— Немедленно отнесите в шифровальный отдел! — протянул он телеграмму.

— Слушаюсь, — забрал тот бумагу и мгновенно удалился.

Еще через час Виноградов держал полный текст расшифрованной телеграммы, так же запечатанный в плотный непрозрачный конверт. «Ох, уж эта секретность!» — не без раздражения подумал он.

Глянув конверт на свет, оборвал самый краешек и вытряхнул на ладонь узкую полоску бумаги: «Господин министр! Довожу до вашего сведения, что вчера вечером произошло ограбление «Российского коммерческого купеческого банка». Были похищены процентные бумаги на сумму 2 500 000 рублей и 500 000 рублей наличных денег. Злоумышленники проникли через стену соседнего дома, в котором располагался кабак. Им удалось вскрыть стальную комнату банка неизвестными мне и доселе не использовавшимися инструментами и похитили вышеуказанные ценности.

Надзиратель Московской сыскной полиции, титулярный советник М. Г. Лапшин».

От суммы похищенного Виноградова бросило в жар. Григорий Леонидович утер со лба проступившую испарину, понимая, что его поездка в Баден-Баден откладывается на неопределенное время. Наверняка о случившемся уже доложено императору, а следовательно, спрос с каждого из них будет немалый. На карту поставлена его личная карьера.

Раздражение усиливалось: кто же этот Лапшин?

В списках надзирателей такого не было. И тут Виноградов вспомнил, что днем раньше из Твери был переведен некто М. Г. Лапшин, зарекомендовавший себя в губернии громкими делами. Следует с ним познакомиться поближе, а заодно и спросить, что его подвигло посылать депешу через голову непосредственного начальства.

Глава 4

МОРГАНАТИЧЕСКИЙ БРАК

Месяц назад был отстроен новый царский дворец в Ливадии. В отличие от прежнего этот в первую очередь поражал своими большими размерами, имел огромные высокие окна, ярко освещавшие залы, а также смотровые башни, с которых обозревалась вся окрестность. Но особенно живописен был просторный внутренний дворик, засаженный тропическими цветами. Клумбы в нем, разбитые на длинные расходящиеся лучи, собирались в самом центре двора у греческой арки с фонтаном. И были весьма удобным местом для прогулки по вечерам.

Николай Второй, удобно устроившись в широком кресле у окна, просматривал корреспонденцию. Од-

нако всякий раз ловил себя на мысли, что не вникает в смысл прочитанных посланий, — все его думы вертелись вокруг заболевшего наследника, Алексея. Неделю назад у него открылось почечное кровотечение, и по настоянию Александры решили послать за Григорием Распутиным. Что бы там ни говорили о старце, но как было не поверить в его искусство врачевания, если мальчику становилось лучше тотчас, как только он перешагивал порог его спальни или просто начинал молиться во здравие.

Теперь главное, чтобы болезнь не обострилась. Впрочем, с присутствием Григория этого не должно случиться.

Николай Александрович отложил письма и, поднявшись, подошел к окну, с которого просматривался внутренний дворик. Алексея (в матросском костюме, который невольно делал его старше и очень шел ему) в сопровождении Григория он увидел вблизи греческой арки. Старец, присев на корточки, что-то вещал наследнику в самое лицо. Оба улыбались и чем-то напоминали заговорщиков. И здесь свои секреты!

Немного поодаль стоял «дядька» наследника, матрос Деревенько. Простоватый, малость угрюмый, он не без ревности наблюдал за дружбой царевича и Распутина. А в дальнем конце двора, сбившись в плотную группу, стояли офицеры. В одном из них Николай Александрович узнал Петра Старицкого — приятеля своего младшего брата великого князя Михаила Александровича.

Между бровей императора пролегла глубокая складка. Интересно, что тот делает в царствующем доме, если дорога сюда заказана самому великому князю Михаилу?

Император вернулся в глубину комнаты и надавил на кнопку звонка в самом углу стола. Через минуту дверь распахнулась, и на пороге предстал секретарь.

Умело справляясь с раздражением, подступившим к самому горлу, Николай Александрович произнес:

— Милостивый государь, вы не могли бы мне сказать, почему здесь находится князь Петр Старицкий? Я не помню, чтобы было приглашение на его счет.

Подбородок секретаря чуток дернулся — всего лишь отголосок той бури, что сейчас копилась в душе секретаря и, видимо, искала выхода.

— Ваше величество, я к этому не имею никакого отношения. Князь Старицкий прибыл по приглашению княгини Ольги.

— Ах, вот оно что, — протянул ошеломленный новостью Николай Александрович. Что это за дом, когда внутри семьи появляются какие-то свои тайны? Не хватало еще одного морганатического брака — подобного удара семья Романовых может не выдержать. — Ступайте, голубчик... Хотя, знаете что, попробуйте как-нибудь спровадить князя из дворца.

— Слушаюсь, ваше величество!

— И умоляю вас, попытайтесь это проделать под каким-нибудь благовидным предлогом и с большим тактом, еще не хватало, чтобы меня мои дочери упрекали в деспотизме. Вы хорошо меня понимаете?

— Ваше величество, можете не беспокоиться, я сделаю все так, как подобает.

— Вот и славно, — с видимым облегчением вздохнул Николай Александрович, возвращаясь к разложенной на столе корреспонденции.

Поверх газет лежало два конверта. В одном из них была вложена фотография, о чем ему сообщили при вручении, в другом, большем конверте из плотной желтой бумаги, помещался рапорт полицейского агента Федора Грищука, составленный после свадьбы великого князя Михаила Александровича со своей

морганатической супругой Натальей Сергеевной, урожденной Шереметьевской.

Первым возмутителем спокойствия в династии Романовых стал дядя Николая Второго великий князь Павел Александрович, — втайне от царя он женился на разведенной женщине, к тому же матери троих детей, госпоже Ольге Пистолькорс.

Весьма грустная история!

Причем его страсть оказалась настолько сильной, что он позабыл не только о своих собственных детях, но даже о родине. Пожертвовал всем: благополучием, уважением царственной семьи, карьерой — ради вздорной, глуповатой женщины. Право, она не достойна подобных жертв!

И вот теперь на очереди новое неприятное разбирательство.

Николай Александрович вскрыл конверт и вытряхнул из него небольшую фотографию, на которой был запечатлен великий князь Михаил Александрович с супругой Натальей Сергеевной. Новоиспеченные супруги были запечатлены в Каннах, во время своего свадебного путешествия. Их поездка была строго законспирирована даже от самых близких лиц, а потому по Европе они путешествовали инкогнито без пышного сопровождения и подобающей их положению охраны, останавливаясь в неприметных и недорогих гостиницах. Но то, что неведомо было даже ближайшему окружению, известно было его старшему брату, царю Николаю. Едва ли не ежедневно на императорский стол ложился отчет о пребывании великого князя и его супруги за границей. И, судя по тому как они проводили время, были вполне счастливы и наслаждались обществом друг друга.

Морганатический брак — большой удар по семейным традициям, хотя Николай и не исключал того,

что в его основе может быть заложено весьма глубокое чувство. Это ему повезло любить женщину, которая оказалась его круга, но далеко не каждому выпадает подобное счастье. А потому частенько Романовы были большими эгоистами и во главу угла ставили личные интересы, нежели благополучие всего царствующего дома.

Николай Александрович глубоко вздохнул. На небольшой фотографии была запечатлена молодая красивая пара, стоящая на балконе. Николаю Александровичу приходилось бывать в Каннах, и он прекрасно представлял местность, где были засняты молодожены. Это был бульвар Круазет, главная улица, где расположены весьма дорогостоящие отели. Ему и самому очень нравились эти места. Бывая в Каннах, он всякий раз удивлялся предприимчивости британского политика лорда Броухэма, который сумел превратить маленькую рыболовецкую деревушку в центр аристократического курорта.

Княгиня Шереметьевская была в демисезонном пальто с белой розой на правом отвороте. Гибкую шею укрывал длинный белый шарф. На красивой головке темная широкополая шляпа с коротенькой вуалью, заброшенной наверх. В нарочитой небрежности чувствовался тонкий женский шик. Получалось весьма пикантно, даже где-то чарующе. Впрочем, Наталья Сергеевна не совершала непродуманных поступков, так как отличалась весьма острым умом, так же как и ее отец, видный финансист Москвы. Так что с ее стороны была разыграна блестящая партия. Не исключено, что Михаил полностью попал под влияние Шереметьевской, сделавшись даже на какое-то время неменяемым. Если это не так, тогда как же объяснить тот факт, что великий князь не единожды давал обещание государю не жениться на этой вздорной жен-

щине и тем не менее нарушил свое слово, намеренно углубив конфликт с семьей, и тайно обвенчался за границей.

Николай Александрович вздохнул. Ссориться с любимым братом было тяжело. Царь вновь принялся рассматривать фотографию.

Михаил Александрович был в темном пальто и в высокой шляпе. Широкий ворот белоснежной рубахи небольшим узлом стягивал галстук. Весьма трогательно князь поддерживал жену за левую руку, взгляды обоих были устремлены в одну сторону. Создавалось впечатление, что они позировали неведомому фотографу на балконе отеля, но в действительности дело обстояло иначе — они были зачарованы карнавальным шествием, а фотография была сделана нелегально агентом тайной полиции.

Чтобы Михаил сполна осознал тяжесть содеянного греха и гнев Его величества, его следует наказать: для начала нужно воспрепятствовать въезду в Россию обоим, а также учредить опеку над его имуществом. Пожалуй, подобное распоряжение следует отдать завтра же!

Николай Александрович вернулся к разложенным на столе газетам, что усиливало чувство комфорта и покоя. Два часа, оставшиеся до обеда, всецело принадлежали ему. Их он по обыкновению посвящал чтению корреспонденции и периодической печати. Так что Николая Александровича никто не беспокоил. Исключение делалось разве что для Алешеньки, который до бесконечности мог показывать ему лошадку, вырезанную «дядькой» Деревенько. В какой-то степени это был отдых.

Николай Александрович оказался предоставлен самому себе и мог сполна насладиться чтением. Кроме политических новостей, которым он уделял особое